установленного решением Комиссии объёма медицинской помощи, оплачивается фактически за счет средств медицинской организации.

1. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении формы типового договора о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования: приказ Минздравсоцразвития России от 09.09.2011 № 1030н [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении формы типового договора на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию: приказ Минздрава России от 24.12.2012 № 1355н [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию: приказ Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 28.02.2019 № 36 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования: приказ Минздрава России от 28.02.2019 № 108н [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.10.2018 № 308-ЭС18-8218 по делу № А15-6379/2016 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Мусабинова Д.А.

**Субсидиарная ответственность при банкротстве как разновидность
квазиделиктной юридической ответственности**

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-236

idsp: ljjournal-11-2020-236

Аннотация

Представленная статья направлена на рассмотрение правовой природы такого специфического института как субсидиарная ответственность при банкротстве. Отмечается трансформация нормативного массива в сфере установления данного института. Обращается внимание на современные тенденции определения существа и правовой природы субсидиарной ответственности при банкротстве. Поддерживается точка зрения об изучаемой ответственности как виде квазиделиктной ответственности.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, правовая природа.

Abstract

This article is aimed at considering the legal nature of such a specific institution as subsidiary liability in bankruptcy. The transformation of the normative array in the field of establishing this institution is noted. Attention is drawn to current trends in determining the essence and legal nature of subsidiary liability in bankruptcy. The point of view of the studied responsibility as a type of organizational quasi-exclusive responsibility is supported.

Keywords: subsidiary responsibility, bankruptcy, legal essence.

Современный оборот уже «смирился» с перманентным применением к нерадивым хозяйствующим субъектам процедур банкротства. Идеальным итогом (помимо восстановления платежеспособности должника) является справедливое и как можно более полное удовлетворение требований кредиторов. Однако, учитывая опыт практического применения указанного института, уместно констатировать наличие

большого количества случаев, когда интересы кредиторов не удовлетворялись из-за банального отсутствия имущества у признаваемого несостоятельным должника. Причина же такого положения вещей заключалась далеко не в объективных условиях хозяйствования: со временем, в руках недобросовестных субъектов права, несостоятельность стала инструментом, достаточно легко позволяющим избегать погашения задолженности.

Подобное положение дел очень долго являлась предметом научных исследований, в которых звучало огромное количество предложений по нивелированию подобного рода ситуаций и их предотвращению. И лишь относительно недавно [1], полностью легально (не только в рамках выраженных правоприменительных позиций) и комплексно, был введен инструмент, способный, как нам кажется, наиболее решительным образом пресекать случаи недобросовестного банкротства.

Речь идет о субсидиарной ответственности, которая может быть возложена на достаточно значимый круг лиц, имеющих отношение к должнику.

Не вдаваясь в дискуссии относительно соотношения компенсаторного содержания упомянутого явления и его характера юридической ответственности (которая, как известно, возлагает на причинителя вреда дополнительные санкции), отметим лишь, что требования кредиторов должника, арбитражного управляющего либо иных лиц уполномоченных инициировать разбирательства в отношении субсидиарного привлечения к ответственности состоят в истребовании определенного материально-правового притязания, выраженного конкретной суммой. Именно она, по логике вещей, и должна восстановить баланс интересов в гражданском обороте.

Раскрывая же положение ныне действующего ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] в отношении субсидиарной ответственности, необходимо отметить следующее.

В целом институт субсидиарной ответственности в банкротстве объединяет сразу два разнородных явления. С одной стороны, это ответственность определенных лиц, как правило, контролирующих, за собственное поведение (к примеру, за несвоевременное обращение в суд с заявлением о признании организации банкротом). В этом случае ответственность зависит лишь от неправомерности действий самого лица, деликтна по своей природе, и вряд ли может быть признана субсидиарной. Однако большая часть легальных установлений предусматривает возможность привлечения к ответственности с «опосредованным» характером и, в целом, представляет собственно субсидиарная ответственность.

Классическое понимание последней сводится к случаям, когда одно лицо отвечает за неисполнение обязательств основного должника. Между тем, поскольку ФЗ о банкротстве формирует их как единую правовую категорию, полагаем, правильно будет рассматривать правовую природу указанных видов составов одновременно. Такой «подход» вполне допустим сразу по двум аспектам: наличие единого юридического факта, без которого невозможно привлечением указанных лиц, то есть признание юридического лица банкротом; и единая экономическая направленность (содержание, фундамент) их реализации.

Уяснение правовой природы случаев дополнительной ответственности при банкротстве имеет значение в силу того обстоятельства, что именно от существа правовой природы зависит механизм привлечения к ответственности и базис доказывания оснований ответственности.

Вообще в общей теории цивилистики, гражданско-правовую ответственность по признаку содержания и оснований возникновения принято дифференцировать на договорную и внедоговорную [3; 4].

Первую отличают положения определенного соглашения как основания возникновения ответственности и ее диспозитивный во многом характер. Даже беглый

анализ положений ФЗ о банкротстве позволяет резюмировать принципиально иной характер изучаемого явления.

При более детальном изучении, природа изучаемого случая ответственности более тяготеет к деликтной. Действительно, рассматриваемый вид ответственности наступает лишь при наличии деликта, выражающегося в ущемлении прав кредиторов. Однако при ближайшем рассмотрении можно отметить, что традиционный состав указанного явления предполагает собственное, влекущее возникновение вреда, неправомерное поведение привлекаемого к санкциям субъекта права или неправомерное поведение третьего лица, за которое, в силу закона или соглашения, оно несет ответственность. Кроме того, остро встает вопрос о выражении причинно-следственной связи между деянием и его последствиями.

Для субсидиарной ответственности при банкротстве основанием является особый факт – поведение, повлекшее возникновение убытков в силу не исполнения или исполнение не должным образом особых корпоративных обязанностей, точнее их не добросовестной и разумной реализации. Как видим, это понимание распространяется намного дальше, чем обыденное обязательство не причинять вред своими действиями (как в отношении классических деликтов), оно включает в себя постоянную необходимость проявляет повышенную заботу об интересах юридического лица и его контрагентов при реализации деятельности, основанной исключительно на принципах разумности и добросовестности [5; С. 64].

Кроме того, в отличие от договорной ответственности, основанной на принципах свободы договора и диспозитивности, субсидарная ответственность в процессе банкротства установлена императивно и не может изменяться соглашением сторон.

Согласимся с мнением Д.В. Ломакина и О.И. Гентовта, что для субсидиарной ответственности в целом не характерны атрибуты деликтной ответственности [6; С. 17].

Поддержим и мнение И.С. Шиткиной, что «имущественная ответственность членов органов управления корпорации действительно обладает значительными особенностями, которые позволяют говорить о ее особой правовой природе» [7; С. 224]. Думается, это высказывание можно распространить и относительно исследованного нами в данной статье вопроса.

Итак, изучаемую разновидность ответственности не представляется возможным отнести не к договорной, не к деликтной.

Полагаем, прав в таком разрезе В.А. Савиных, определив концепцию изучаемой категории следующим образом: «по своей правовой природе обязательство руководителя выходит за рамки традиционных видов обязательств, его сущность состоит в том, что оно выступает формой, опосредующей исполнение чужого долга» [8; С. 61]. Данное трактование, с позиции действующего правового массива выглядит не полным, но это не умаляет его значения (следует понимать, что данное определение было сформулировано еще до внесения значительных изменений в ФЗ о банкротстве в 2017 г.).

Между тем, нормы ГК РФ позволяют утверждать, что законодательство допускает существование квазиделиктных обязательств, хотя эти нормы не сведены в единую группу с обобщающими признаками и не выделены отдельно в структуре кодифицированного документа.

О выделении квазиделиктов как самостоятельной категории можно говорить еще со времен римского права. Так, в Дигестах Юстиниана описан значительный ряд квазиделиктов. Примечательным нам кажется следующий: «ответственность хозяина дома, если у этого дома что-нибудь было повешено или поставлено так, что могло причинить вред прохожим» [9]. В данном случае римский законодатель, как кажется, опирался именно на категории разумность и добросовестность. Заслуживает внимание и позиция Р. Циммерманна. Этот автор указывает, что демаркационной линией деликта

и квазиделикта в тот период являлось признание вины как необходимого элемента состава деликта [10; С. 224].

В наше время показательным примером легализации квазиделиктов являются положения ГК Франции [11]. Так, ч. 1 ст. 1384 устанавливает, что ответственность возлагается на лицо не только за вред, причиненный его собственными действиями, но и за вред, причиненный действиями тех, за кого оно должно отвечать, или вещами, которые находятся у него на хранении. Это правило по содержанию также близко к характеризуемому нами институту.

Отдельно, полагаем, важно отметить и следующую важную черту, имеющую большое значение для установления эффективного баланса между частно-правовым и публичным регламентированием, возможностью публичного вмешательства в имущественную сферу частного субъекта: «Анализ квазиделиктных обязательств позволяет, в частности, приблизиться к решению вопросов взаимного перетока публичной и частноправовой ответственности, определить возможность вероятностного подхода к возложению ответственности» [12; С. 152]. Базируясь на вышеприведенном мнении А.Г. Диденко, признание за случаями субсидиарной ответственности в банкротстве характера квазиделиктов позволит нивелировать дискуссии относительно столь серьезного вмешательства в гражданские, по своей сути, отношения возмещения убытков.

Все сказанное позволяет нам резюмировать следующее.

Единственной целью всего института субсидиарной ответственности в рамках процесса банкротства является восстановление попорченного имущественного положения кредиторов (в широком смысле этого слова). Это полностью соотносится с самим существом гражданско-правовой ответственности как карательного инструмента особого, возмещающего, типа.

Полагаем, что случаи потенциальной возможности возложения обязанности возмещения вреда на лицо, напрямую не являющееся причинителем такового в рамках процедур банкротства, означает не что иное, как квазиделиктную обязанность. Таковая имеет общие черты с договорной и внедоговорной ответственности, но также обладает более чем специфическим содержанием и природой.

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31 (Часть I). – Ст. 4815
2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – N 43. – Ст. 4190.
3. Гражданское право. Часть первая: Учебник / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. – М.: Юрист, 2003. – С. 671 - 672.
4. Юридическая ответственность органов и должностных лиц публичной власти: монография / И.А. Алексеев, Р.Э. Арутюнян, Л.Г. Берлявский и др.; под ред. И.А. Алексеева, М.И. Цапко. – Москва: Проспект, 2017. – 128 с.
5. Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. N 6. С. 51 - 117.
6. Ломакин Д.В., Гентовт О.И. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. 2016. N 1. С. 12 – 39.
7. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. – С. 224.
8. Савиных В.А. Субсидиарная ответственность: экономическое содержание и правовая сущность / В.А. Савиных // Вестник ВАС РФ. 2012. N 12. С. 59 - 69.
9. Дигесты Юстиниана. М.: Статут, 2005. Т. VII. Полутом 1. С. 376 - 551.
10. Циммерманн Р. Римское право и европейская культура / Р. Циммерманн // Вестник гражданского права. – 2007. – N 4. – С. 209 – 234.
11. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 4 - 592.
12. Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: сборник статей / Е.Н. Абрамова, Н.Г. Вилкова, И.П. Грешников и др.; отв. ред. И.П. Грешников. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 303 с. (автор главы А.Г. Диденко).